

Op84
Л156
А-372759

Юрий Мещанинов

Бела птица

Op 84
M 56
Op 84
84(2-411.2)6-4

Юрий Мещанинов

Бела птица

маленькая повесть о детстве

Оренбург, 2018

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

2-342759

KP

Вечерняя сказка

Зимой мы жили дружнее. Как загоняли скотину в сарай, все заходили в дом. В голландке отстреливают угольками дрова, с вечера мороз – тяга такая, что дверка от пламени плясать начинает. Отец с газетой,

баба Маша то в сундуке раскладывает что-то, то читает свою толстую книгу с молитвами. Мама всегда сидит на стуле у окна – вяжет носки или варежки. На подоконнике радио, она всё боится пропустить – какая постановка будет. Позже, уже лёжа на кровати, слушаем в темноте, как разыгрываются где-то далеко, в далёкой-предалёкой Москве, наверно, эти страсти. Только мама не засыпает, всегда дослушивает до конца и выключает радио. А вечером разговоры – чем кончилось.

Мне нравится, когда мама вдруг зовёт меня носок примерить. Я надеваю на голую ногу неоконченное вязание – спицы сверху и снизу приятно зажимают пальцы, выглядывающие наружу.

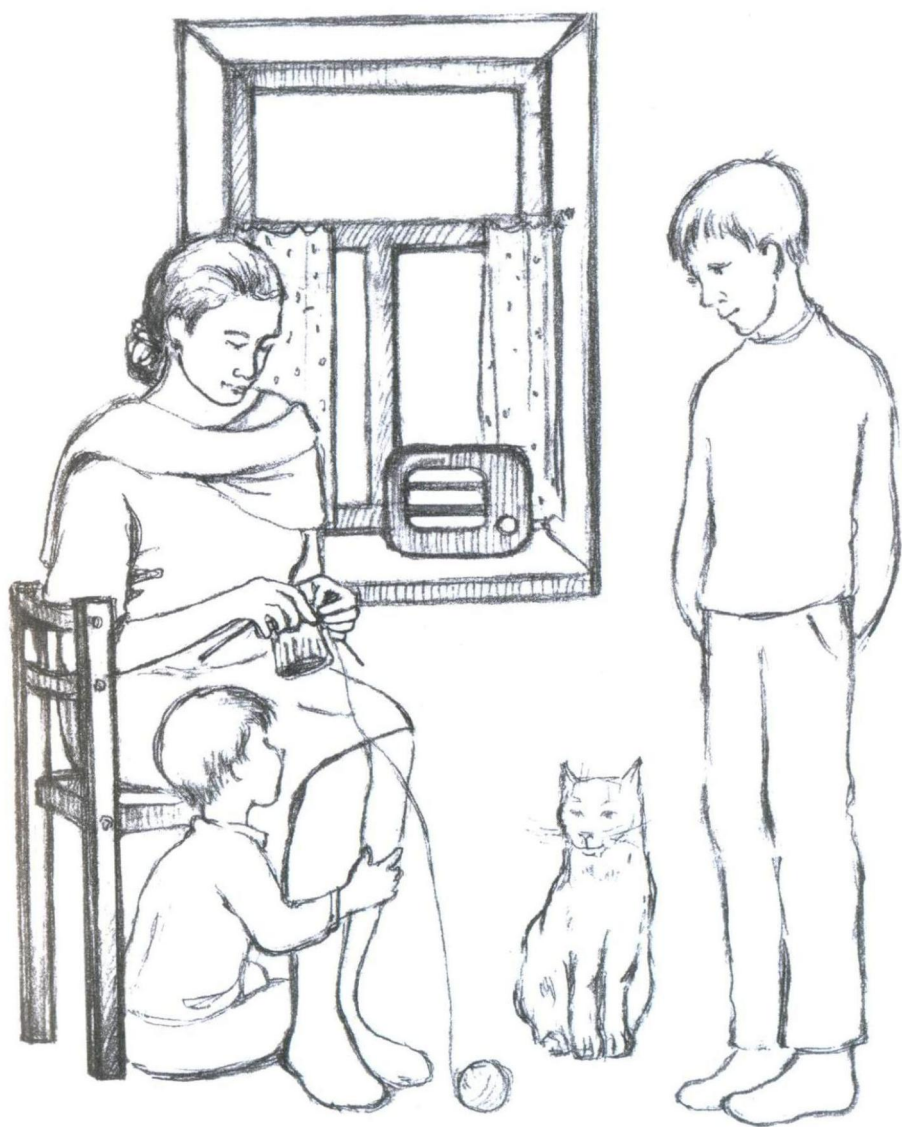
– Вот, – важно объявляет всем мама, – нога-то выросла за лето, старый носок меньше был. Хорошо, что спускать не стала, ещё рядков десять делать.

Я довольный, что нога выросла, но никто по этому поводу мне ничего не говорит. Ну и пусть.

Брат учит стишок, сбивается и то и дело подсматривает в хрестоматию.

Мне хорошо – все дома. Хорошо ещё и от того, что за окном темно и холодно; от мороза, кажется, пространство сужается на улице, а здесь теплынь. Слышишь, припозднившийся мужик на лошади мимо дома санями шуршит или собачий лай и понимаешь – им там совсем хлопотно, надо ещё добираться до дома, до конуры с мослами. А ты уже в тепле, при всех своих.

Брат, прижав к груди хрестоматию, долго повторяет, как в снегу застрял: «Вьюга мглою небо кроет...» Вторая строчка никак не идёт, и он сразу переходит на «то

как зверь она завоет, то заплачет, как дитя». Я не выдерживаю – стишок уж давно с его слов выучил – и подсказываю заботливо: «Вихри снежные крутя...»

Все смеются, я доволен, что уткнул старшего брата, и важничаю, но тут же получаю подзатыльник, и начинается буча¹. Бегаем друг за другом, то он толкнёт меня, то я с веником лечу отомстить. Мама успокаивает нас, но мы притихаем ненадолго. Колька стоит у этажерки и строит мне рожу. Я бросаю в него маминым клубком, и он, разматываясь, мягко улетает под кровать. Мама выкладывает из подола вязанье, спицы и осторожно достаёт клубок, чтоб пряжа не перепуталась. Охает, видно, совсем мы надоели ей своими играми.

– Ну ты-то, Коля, большой, что ж связался, никак не можешь уступить-то.

– Пусть этот сопляк уступает, – не сдаётся брат. Я молчу, потому что чувствую, что все за меня. Бабушка зовёт к себе и гладит. Я с вызовом смотрю на брата. Тот успокаивается и продолжает пересказ, но, видно, наша борьба отвлекла, и он забыл, что и хорошо у него выходило. А я под защитой бабушки громко, с вызовом, читаю в продолжение: «То как путник запоздалый вдруг в окошко застучит».

– Ну мам, вот что он опять напрашивается...

Вступается отец, складывая газету на стол:

– Если памяти у тебя нет, Юрка-то не виноват... А что, ужинать мы сегодня будем иль зубы на полку?

– Сейчас довяжу, мне пять рядков осталось, – отвечает мама и к нам обращается: – Вот, пока заканчиваю, расскажу вам сказку про белу птицу.

Я сажусь возле бабушки на пол, брат вроде не слушает – вырос из сказок, но я вижу, что ухо наострил. А мама, глядя на вязанье, как будто сама себе начала рассказ:

– В далёких-предалёких странах вывела бела птица двух птенцов. Хорошие были они, быстрые, но никак не слушались своей матери. Она им принесёт червячка, а птенцы балуются, убегают от неё. Она их зовёт, а детки заиграются и не идут. Так неделя прошла, другая – хулиганят птенцы пуще прежнего, совсем от рук отбились. Тогда бела птица сказала своим деткам: «Если не будете меня слушать, то я улечу. Значит, не нужна, вы уж большие стали – сами проживёте». А детки только посмеялись и убежали от матери. Взмахнула крыльями бела птица, поднялась в воздух, покружила над птенцами, крикнула им и скрылась в облаках. Детки ждали-ждали, а мать не возвращается. Они стали звать её, бегать вокруг гнезда. Плачут, смотрят в небо, а бела птица так и не вернулась.

Мама грустно вздохнула, разглаживая ладонью законченный кисловато пахнущий шерстью носок.

Мне вдруг страшно стало: так чисто увидел, как поднялась и, прокричав, улетела за облака бела птица. Я молча, вроде заигравшись, подполз по полу к маме, забрался под стул и ухватился руками за её ногу. Сижущим и до слёз прошу чуть слышно: «Не улетай».

Отец со смехом вытащил меня из-под стула:

– Ты нас без ужина оставишь, отпусти птицу-то.

– Не отпущу, – тихо и слезливо возражаю, но ногу мамы отпускаю.

Два бычка

После всех новогодних праздников и Рождества я начинаю мечтать о весне и часто канючу:

– Мам, молока хочу.

– Вот отелится Жданка – и будет тебе молочко.

– А когда она отелится?

– Обошлась 7 июня, – мама не в первый раз загибает пальцы и выводит, – значит, к марту телёночек будет.

Я вздыхаю и развожу руками:

– Чего она в июне обошлась, не могла раньше... И когда этот март наступит?

– Недели три ещё. Жданка-то уж причинать² начинает, вот как с боков у хвоста опадёт – жди в ночь отелится. Если бычок будет – Мартком назовём.

И я стал ждать Мартка – уж с ноября молока не видел.

В холодные дни Жданку из сарая на карду³ не вы-

пускали. Я каждый день бегал в загон – собирал в колоду выпавшее сено, оценивал, как причинает, гладил Жданку по тёплому тугому вымени: ешь, ешь, подружка, скоро март.

Однажды, проснувшись утром, понял, что пропустил очень важное – в доме появился посторонний. Из задней слышался постоянный шум: то по полу как пьяненький поскребёт, то ведром застучит, то зафырчит неестественно громко. И тут мамино:

– Пей, Марток, тебе расти надо.

Я молнией в одних трусах вылетаю в заднюю избу – там все. Закрываю глаза и раздвигаю отца с братом, освобождая подход. Меня молча пропускают, словно я какое заключение должен сделать. Белолобый Марток ни на кого не смотрит, мама пытается опустить в ведро с молоком его голову, а он сопротивляется, качаясь на тонких ножках с желтушными копытцами. Вот мордочка его вся утопает в молоке, Марток не дышит, потом начинает бодать по ведру головой. Мама сует ему снизу указательный палец, телок хватается за него и принимается сосать: делает первый глоток, второй – увлекается и начинает помахивать белым хвостом с рыжей опушкой.

– Раскушал, – удовлетворённо, распевно констатирует отец и уходит на работу. Брат с бабушкой тоже уходят. Отставив ведро с недопитым молоком, мама вытирает мордочку телка полотенцем, он сопротивляется, и я его понимаю. Тоже верчу головой, когда меня утирают, а ещё пуще, когда заставляют сморкаться в платочек. Жёлтый с белыми боками Марток смотрит

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66